

Глава 26. Защита диссертации (1969-74)

Подходили к концу шестидесятые годы. После отставки Хрущёва прошло более пяти лет. В политической жизни страны наступило относительное затишье. Никаких скандальных разоблачений, никаких шумных преобразований и реформ. Все возникающие в руководстве разногласия и конфликты разрешались теперь «при закрытых дверях». Партийные съезды собирались регулярно каждые пять лет. На них единодушно одобрялись директивы, выработанные руководящими органами власти. Политические изменения в составе Политбюро или Секретариата происходили не на съездах, а на пленумах ЦК.

Во избежание нежелательных внутривнутрипартийных конфликтов наиболее честолюбивым представителям партийного аппарата была обеспечена возможность продвижения по партийной лестнице в самые верхние эшелоны власти. По этой же причине сохранялись места за уже попавшими туда партийцами. В результате неуклонно и довольно быстро росла численность ЦК и всего партийного аппарата в целом.

В рамках проводимой с 1965 года хозяйственной реформы, задуманной ещё при Хрущёвской администрации, были приняты меры к ускоренному строительству предприятий, способных насытить рынок товарами народного потребления. С колхозов и совхозов, в который уже раз были списаны долги (к тому времени почти все они были убыточны), в очередной раз были повышены закупочные цены. За счёт мощного вливания средств в сельское хозяйство, началась реализация ряда программ: комплексная механизация аграрного производства, химизация почв и их мелиорация.

Эти новации благотворно повлияли на экономическую жизнь страны. По сравнению с нищетой тридцатых годов и первого послевоенного десятилетия материальное положение основной части населения улучшилось. Всё меньше людей жило в коммуналках и бараках. Обыденными стали телевизоры, радиоприёмники, холодильники, телефоны и прочие коммунальные блага. Люди стали лучше одеваться и питаться. В квартирах многих из них появились домашние библиотеки. Именно в эти годы мы приобрели первые в нашей семье телевизор и холодильник.

К сожалению положительный эффект от предпринятого правительством мощного финансового вливания оказался кратковременным. Уже к концу шестидесятых годов реформа промыш-

ленности выдохлась, так и не столкнув советскую экономику с наезженной колеи: расширенного воспроизводства с упором на традиционные индустриальные отрасли и жёстким административным давлением на предприятия сверху. Попытки внедрить наукоемкие производства, такие как микроэлектроника, информатика, робототехника, биотехнологии и развернуть сеть научно-производственных объединений, не приносили ожидаемого результата. Становым хребтом экономики оставались топливно-энергетический и военно-промышленный комплексы. Как стало теперь известно, на военно-промышленный комплекс в те годы работало около восьмидесяти процентов всех машиностроительных заводов страны.

В одну из своих служебных поездок в Москву я разыскал Керима, который, получив новую трехкомнатную квартиру, жил с матерью по улице Строителей. Его жена-врач, с которой он был в разводе, и дочь-школьница жили отдельно. Несмотря на холостяцкую жизнь и необходимость ухода за старой и больной матерью, Керим ухитрялся поддерживать в квартире идеальный порядок и чистоту. Работал он в научно-исследовательском институте при Госплане СССР в отделе лесной промышленности и имел в Москве много знакомых среди научных работников вузов и других представителей московской интеллигенции. Это позволяло ему быть в курсе многих московских новостей, особенно новостей, касающихся экономической жизни страны.

Теперь, каждый раз, бывая в столице по служебным делам, а случалось это довольно часто, особенно в зимние месяцы, я обязательно навещал Керима и его мать. Долгими зимними вечерами просиживал я в небольшой уютно обставленной гостиной и с интересом слушал его рассказы о последних московских событиях. Он же познакомил меня с самиздатовской литературой, которую специально для меня приносил от друзей. Однако тематика наших разговоров определялась, прежде всего, профессиональными интересами Керима и темой его кандидатской диссертации, посвящённой факторам формирования уровня и динамики фондоотдачи промышленности, над которой он работал в те годы. Чаще других обсуждали мы экономическое положение страны, которое, несмотря на быстро растущие в мире цены на энергоносители, было довольно сложным. Все статистические данные и конкретные факты говорили о плохой динамике фондоотдачи промышленности, и Кериму никак не удавалось достойно завершить своё диссертационное исследование. Он нервничал, воз-

мущался, теряясь в поисках приемлемых формулировок. Я ему сочувствовал и был рад, что судьба уберегла меня от подобной неблагодарной темы.

Бывая в Москве, любил я навещать и Пантиных, тем более, что жили они в самом центре Москвы около кинотеатра «Россия». Разговоры там были не столь политизированными и касались в основном проблем педагогики, психологии и системы высшего образования. По вечерам за чашкой чая мы любили вспоминать нашу игнолининскую одиссею.

Моя работа проректором в последние годы наладилась. Изучение инструктивных документов, учебных планов и программ, подготовка аналитических записок, докладов на совет и партийные собрания, участие в работе курсов повышения квалификации, сделали своё дело. Я научился обосновывать свои действия, опираясь не только на здравый смысл, который у каждого свой, но на пункты и параграфы законов и инструкций. Хорошее знание работы всех подразделений института, вплоть до отдельных преподавателей, которое я приобретал, посещая занятия не только у математиков, комсомольские и групповые собрания, становилось весомым аргументом при решении многих учебных и хозяйственных вопросов. Теперь деканы и заведующие кафедрами работали со мной в полном контакте.

Проверки, проводившиеся по линии Министерства и Крайкома партии, не обнаруживали существенных недостатков в работе института. Все показатели, характеризующие уровень его работы соответствовали нормам вуза третьей категории тех лет. По некоторым показателям, таким, например, как сохранность контингента и явка выпускников на работу мы даже превосходили Красноярский педагогический институт. Как это не странно, не уступали мы ему и по числу публикаций приходящихся в среднем на одного преподавателя.

Однако сам я остро переживал провинциальность Енисейского пединститута. Его размеры, удаленность от культурных центров и отсутствие минимальных бытовых удобств, сводили на нет все усилия, направленные на повышение научного потенциала педагогических кадров, улучшение качественного состава абитуриентов. Приобрести перспективных молодых кандидатов наук было практически невозможно. В то же время каждый наш преподаватель, защитивший диссертацию, как правило, стремился перебраться в другой город и более перспективный вуз. В этих условиях таким естественным и полезным представлялся тесный

контакт с исследовательскими коллективами КГПИ. Однако все мои призывы установить более прочные и систематические научные связи преподавателей нашего института с преподавателями Красноярского педагогического института, подключиться к их исследованиям, хотя бы на правах «младших братьев», неизменно наталкивались на дух неявного соперничества и не поддерживались ни деканами, ни заведующими кафедрами, ни партийной организацией. Более перспективными им казались связи с педагогическими вузами Москвы и Ленинграда и опора на собственные силы.

В 1969 году ректором института был назначен декан филологического факультета Енисейского пединститута, доцент кафедры литературы, специалист по творчеству болгарского писателя Гуляшки, Плаксин Александр Яковлевич. Как и Зинаида Васильевна, Александр Яковлевич, как мне казалось, не примыкал ни к одной из существовавших в институте группировок. Никто никогда не замечал его в особом желании руководить институтом. На партийных собраниях от него не слышали ни особой критики, ни запоминающихся предложений.

Был Александр Яковлевич страстным и весьма опытным охотником, знавшим, как свои пять пальцев, ближние и дальние окрестности Енисейска. Несколько раз, не будучи ещё ректором, брал меня в лес, и я поражался его знанию всех грибных мест.

- Надо искать не сами грибы, а соответствующий грибам ландшафт, – поучал он, и, оглядев своим пронизательным взглядом окрестность, продолжал:

- Вон там, у края ельника, где растёт такая мелкая и свежая тёмно-зеленая трава, должны быть рыжики, поищите.

В отличие от Зинаиды Васильевны Александр Яковлевич, проработав один срок деканом, имел определённый опыт административной работы. Но канцелярскую работу не любил и в кабинете подолгу не засиживался. В сезон охоты часто просил заменить его на несколько дней. В те годы у него была охотничья собака Чарли, которая его всегда сопровождала в охотничьих походах, и которую в его семье все очень любили, особенно его сынишка Сережа. Помню, как горевала вся его семья, когда Чарли попал под колеса машины.

В начале учебного года в нашем коллективе появилось несколько новых преподавателей: математики Гурарий и Зильберберг, физик Крозер, педагог Вейт и его жена Ковалева, преподаватель философии. Вейты имели кандидатские степени, и это с

самого начала определило уровень их притязаний и особое отношение к ним ректора. Они быстро вошли в приятельские отношения сначала с проректором по административно - хозяйственной части Александром Ивановичем Стыжных, с которым жили в одном двухквартирном доме, затем с Александром Яковлевичем Плаксиным. Постепенно в орбиту нового центра влияния стали вытягиваться некоторые наши преподаватели.

С Гурарием и его женой мы дружили семьями, вместе ходили в лес по грибы, вместе купались в Енисее, вместе отмечали праздники. На факультете Гурарий читал курс аналитической геометрии, читал своеобразно: сначала формулировал теорему, разъяснял её смысл, учил применять, и только после этого, как бы решая задачу, вёл доказательство. Я часто посещал его занятия, и многое у нас вызывало споры, но никогда не возникало обид. Наум Иосифович Зильберберг, в то время еще совсем молодой человек, вёл, как мне казалось, несколько замкнутый образ жизни. Занимался наукой и спортом. Именно он увлек нашего Ромочку баскетболом и приучил не стесняться своей худобы. Мы с Ниной за это были ему очень признательны. С Крозером я переписывался много лет после его переезда в Германию.

Иначе складывались мои отношения с Вейтом. Всё началось с того, что на его жену, которой был поручен курс философии на физмате, стали поступать жалобы. В них студенты выражали свою неудовлетворенность качеством её лекций по философии. Мне пришлось организовать их посещение, в результате чего ей было высказано несколько замечаний. Этого оказалось достаточно, чтобы нажить в лице Вейта если не врага, то, по крайней мере, недоброжелателя.

Много времени и сил отнимала работа над диссертацией. По совету Владимира Георгиевича Ашкинудзе назвал её «Система задач с функциональным содержанием в курсе алгебры восьмилетней школы». Диссертация получилась очень объемной, около четырехсот страниц. Её до судорог в пальцах печатала и перепечатывала Нина.

Весной Владимир Георгиевич приезжал в Енисейск в качестве председателя ГЭК. Здесь помимо своих прямых обязанностей он читал лекции студентам и учителям города и района о новых идеях в преподавании математики, а преподавателям нашей кафедры – по программированию и доказательству геометрических теорем на ЭВМ.

Несколько первых дней, до оформления места в гостинице, Владимир Георгиевич жил у нас, для чего ему была освобождена детская. Естественно, что эти дни были заполнены важными и интересными для меня беседами, но запомнилось совсем другое. Как и положено опытному командировочному тех лет, Владимир Георгиевич привёз с собой из Москвы деликатесы, которых у нас в Енисейске достать было невозможно: кофе Арабика, сырокопчёную колбасу, сыр Рокфор и даже баночку икры. Когда вечером Владимир Георгиевич решил угостить нас привезёнными деликатесами, то оказалось, что кофе, колбаса и икра были на месте, а сыр пропал, как сквозь землю провалился. Нина, уверенная, что никто в нашей семье такой сыр есть не станет, всё же обратилась к Ольге Федотовне:

- Мама, ты не видела, в холодильнике сыр лежал, ты его куда не убрала?

- Сыр, в холодильнике? – переспросила Ольга Федотовна – это такой, весь заплесневевший? Так разве его можно есть, он же весь поганый. Я его выкинула!

- Куда? – ужаснулась Нина.

- На помойку, куда же ещё. А что, нельзя было? - удивилась Ольга Федотовна.

- Поганый, – передразнила Нина Ольгу Федотовну. Этот сыр специально делают таким, он очень дорогой и, главное, он чужой.

Пришлось Нине извиняться за свою непросвещенную мать, а та ещё долго ворчала:

- Вот нехристи, едят же такую гадость.

В Красноярске Валера за эти годы сменил ещё несколько квартир, пока, став уже студентом третьего курса, не получил место в общежитии на Каче. Жил он вместе с Куприковым и Дураковым в отдельном домике. Молодые люди оказались серьезными, что нас с Ниной очень радовало. Один раз в неделю Валера звонил нам в Енисейск. Первые два года, каждый раз, когда началась экзаменационная сессия, Валера иногда вместе с Куприковым и Дураковым прилетали в Енисейск, и я помогал им готовиться к экзаменам. На третьем курсе он познакомился, а потом стал дружить со студенткой химического факультета университета Зинаидой Федоровной Новиковой. В мае 1969 года, окончив третий курс, Валера привёз её в Енисейск знакомиться с нашей семьёй. Миниатюрная, круглолицая, аккуратно одетая, она произвела на нас хорошее впечатление. Долгими вечерами проси-

живали мы за фотографиями, рассказывая ей сложную и многотрудную историю нашей семьи.

Весть о том, что Валера привёз невесту, быстро распространилась среди его друзей. На третий день к Нине пришла одна из его одноклассниц и как безумная стала просить вернуть ей Валеру. Нина пыталась её успокоить, но безуспешно.

- Когда-нибудь Вы поймёте, что, значит, терять любимого человека, – вымолвила она пророческие в своём безумии слова.

Вскоре после их отъезда, отправили на юг Рому. Отправили с Владимиром Сергеевичем Ждановым, который повёз в спортивный лагерь на Азовском море группу наших спортсменов. Там, как и договаривались, Володя передал его с рук на руки Вите, нининному брату, который с женой Верой и двумя сыновьями жил в Азове. Вера пыталась его откормить, но безрезультатно. Гусей, кур, уток он съедал, а в весе не прибавлял ни грамма. Обратной Володина группа возвращалась через Ростов, куда он и завёз Рому, оставив его на попечении Ляли, которая задачу откармливания взяла на себя, но, как и Вера, не добилась заметных успехов. Функцию воспитателя взял на себя Игорёк и, прежде всего, повёл Рому в парикмахерскую, где в соответствии со своими армейскими представлениями распорядился подстричь его под ноль. Роме было уже 15 лет и его представления о том, какой должна быть причёска, мягко говоря, не очень совпадала с представлениями Игорька. После непродолжительных споров был найден компромиссный вариант, и бравого воина из Ромы не получилось. Но бродить по Ростову ему нравилось, и это доставляло Ляле немало тревог. Особенно, беспокоила её его привычка ходить по трамвайным путям. У нас сохранилась фотография, на которой Ляля с балкона высматривает припозднившегося Ромочку, а он идёт по трамвайным путям перед движущимся трамваем. Вагоновожатая отчаянно звонит, Ляля на балконе хватается за сердце, а Игорёк за ремень. Вот, оказывается, каким мог быть наш тихоня. В Енисейск его привезла Ольга, которая, прожив у нас около трёх месяцев, в декабре уехала в Новосибирск, к племяннику.

Летом 1970 года Нина, Валера, Рома и Наташа выехали к морю. Зина приехала позже, сдавала ещё один экзамен. Остановились как всегда в Лермонтово. Много купались. Молодёжь по вечерам ходила на танцы, которые регулярно проводились на спортивной базе Краснодарского политехнического института. Я подъехал в начале августа, пришлось замещать Плаксина, уехавшего

толи на охоту, толи на рыбалку. Вскоре после моего приезда в Лермонтово Валера с Зиной уехали домой. Им предстояла регистрация в ЗАГСе. В конце сезона на юге вспыхнула эпидемия холеры. Поднялась паника. Люди штурмом брали вагоны, передавая через головы багаж и детей. Мы смогли выехать только в начале сентября.

А в это время Валера и Зина в Красноярске, зарегистрировав брак, и, отметив это событие у Зининой подруги, вместе с Дураковым и Подуфаловым приехали к Горстам, чтобы в узком кругу завершить гулянку. Раиса Ивановна была в Семипалатинске у своей сестры, а Юра, решив, что намечается полномасштабная свадьба, ушёл из дома, дабы не мешать молодёжи. Прийти он собирался, когда свадьба будет в разгаре. Однако, придя домой к одиннадцати часам, застал Зину и Валеру, прибирающими в комнате. «Гулянка» давно закончилась. На столе ни одной бутылки. Легко представить Юрину досаду. Потом, при каждом удобном случае, он жаловался нашим общим знакомым на меня и на всё наше «ненормальное» семейство, которое якобы пожалело денег даже на свадьбу своего первенца. На следующий день после свадьбы, Валера с Зиной поехали в Енисейск проводить свой медовый месяц. Дома была только Ольга Федотовна, и они хорошо

Красноярск.

Регистрация брака Валеры и Зины.

бы отдохнули, если бы Валера не заболел ангиной, с которой провалялся до нашего возвращения с юга.

В мае 1971 года на физико-математическом факультете Красноярского пединститута проводилась зональная научно-ме-

тодическая конференция по математике пединституты средней Сибири. Конференция была довольно представительной, более ста участников. Работало четыре секции: алгебры, геометрии, математического анализа и методики преподавания математики. Материалы конференции публиковались. Тогда со мною на конференцию приехала Нина. Юра, возглавлявший оргкомитет конференции, сумел устроить нас в гостинице «Огни Енисея», в двухместный номер со всеми удобствами. Освободившись от повседневных семейных проблем, оставив Рому и Наташу на попечение Ольги Федотовны, мы пустились в «свободное плавание». И хотя было мне почти пятьдесят лет, а Нине сорок восемь, вели мы себя как тридцатилетние. Обедали и ужинали в ресторане, который находился на первом этаже гостиницы. Днём, после завершения работы секций, ходили к Горстам, Елиным. По вечерам гуляли по набережной, любясь Енисеем и таким живописным, сверкающим вечерними огнями речным вокзалом. Все заботы, все тревоги и плохие предчувствия отступили на второй план. Даже о прошлом мы старались не вспоминать.

В том году Валера и Зина заканчивали университет. Зина во время выполнения дипломной работы приезжала в Енисейск, и я чертил ей демонстрационные таблицы. Наверное, именно тогда, а может быть и раньше, они привезли «Капёшу» - очарователь-

Капеша.

ную короткошёрстную кошечку серо-полосатой расцветки, которая вскоре стала нашей общей любимицей. У нас сохранилась фотография, на которой она запечатлена с большим бантом на шее.

После окончания в 1971 году университета Валера поступил в целевую аспирантуру к С.Л. Эдельману. Фактически же его руководителем был Виктор Михайлович Бусаркин, который преподавал в КГУ алгебру и вёл спецкурс по конечным группам. В тот год Валера и Зина

ещё продолжали жить в университетском общежитии в Академгородке, куда летом к ним приезжала погостить Наташа.

В том же году Рома, окончив школу, поступил на физико-математический факультет Енисейского пединститута. Конечно, я понимал, что специальность педагога ему не очень подходит, что

ему было бы лучше поступать в какой-нибудь планово-финансовый институт или хотя бы техникум, но таких учебных заведений в Енисейске не было.

Лето 1972 года для нашей семьи было омрачено гибелью Капёши, подхватившей чумку. Пытаясь её спасти, ставил уколы пенициллина и ещё какого-то лекарства, которое мне продали в ветлечебнице. Но это не помогало, Капешу беспрерывно рвало, и она худела на глазах. Заболел и её котёнок Бимка. Трудно передать, сколько было слёз и истерик. Когда стало ясно, что спасти их не удастся, решил, не дожидаясь окончания занятий в школе, отправить Наташу с Ниной в Ростов. Вскоре после их отъезда Капеша и Бимка погибли. До сих пор помню, как в углу нашего палисадника, освещаемые лунным светом, рыли мы с Ромой ямку, в которой и похоронили своих четвероногих друзей. Рома плакал навзрыд, не стесняясь проходивших мимо студентов, да и мне слёзы застилали глаза. Ольга Федотовна, прожившая всю жизнь в деревне и обезглавившая не один десяток кур, возмущалась нашему немужскому поведению.

Мы с Ромой выехали на юг сразу после того, как он сдал последний экзамен за летнюю сессию. В Красноярске к нам присоединились Валера с Зиной. Ехали через Москву плацкартным вагоном. Валера, Зина и Рома всю дорогу играли в карты. Я злился на них за такое времяпрепровождение, особенно на Валеру за нечестную игру. Сам проигрывать он не хотел, Зину обижать тоже, поэтому отыгрывался на Роме. В Москве остановились в Подлипках у старшего сына Широколобова. Помню, кругом горел торфяник, и спать было тяжело. Валера и Зина бегали по магазинам, искали шубу Зининой сестре. Соблазнить их музеями и Третьяковкой я не смог. Зато Ромочку водил по всем известным мне интересным местам Москвы. В порядке компенсации вечером пошел с ним на матч Спартак - Арарат, который проходил в Лужниках. Рома всегда болел за Спартака. Но в тот день его любимая команда проиграла со счётом 0:2, и он тяжело переживал это поражение.

Через два дня всей компанией выехали в Краснодар. Ехали через Ростов, где к нам в купе, не сумев купить билеты, подсели Нина с Наташей. Заплатили проводникам, и всё обошлось, благо ехать было недалеко. Из Краснодара автобусом в Горячий Ключ, где нас уже ждала Оля. Когда, наконец, добрались до Лермонтово, выяснилось, что ставить палатки на пляже запретили. Пришлось идти в посёлок искать ночлег. Но все квартиры, комнаты и

даже койки в поселке были уже заняты. Только с одной хозяйкой удалось договориться за небольшую плату поставить палатки в саду. Вокруг кусты орешника, яблони, груши. В доме на случай непогоды она выделила нам маленькую комнатку, почти всё пространство, которой занимала двуспальная кровать. Все остальные комнаты в её доме, сарай и беседка были уже заняты отдыхающими. Спать в выделенной нам комнатке никто не хотел. Все предпочитали палатки, тем более что теперь это были не наши брезентовые, а польские, широкие и высокие. Только когда шёл дождь, мы с Ниной уходили спать в дом. Днём все пропадали на пляже, где кроме принятия солнечных ванн и купания играли в волейбол. По вечерам ходили в летний кинотеатр: четыре стены, экран, а над головой чёрное звёздное небо. На стенах и окрестных деревьях – киношные «зайцы», – в основном дети. Ходили с одеялами. Пока было тепло, их стелили на жёсткие скамьи. С наступлением ночной прохлады ими укрывались как пледами.

Любили бродить по окрестным лесам. Запомнилась наша прогулка по старой дороге на Джубгу. Дорога проходила вдали от побережья, то, поднимаясь, то, опускаясь, то, огибая горы. Конечно, новая дорога, по которой мы иногда ходили, а чаще ездили, в

Старая дорога Лермонтово –Туапсе

Джубгу, бала лучше. В-первых, короче, во-вторых, почти на всём её протяжении с одной стороны было море, а с другой скалы, что придавало ей особую живописность. Зато здесь, на старой дороге, царила первозданная тишина. Ни машин, ни людей. По обеим сторонам горы и лес. Сама дорога асфальтирована, но асфальт уже в трещинах, через кото-

рые пробивалась трава. По краям ещё сохранившиеся километровые столбы и белые столбики стометровок. Примерно на полпути пьедестал. Скорее всего, на нём когда-то стоял памятник Сталину. Теперь он был пуст и наша молодёжь, взобравшись на него, изображала живописные фигуры. Затащили на него даже Ольгу.

Хозяева нам очень нравились. Карпо Иванович Офляян, хозяин семейства, работал шофёром при каком-то санатории, «тётя Валя», его жена, тучная и болезненная армянка, хозяйничала по дому. Было у них два сына и дочь. Старший сын, Иван – типичный армянин с русской женой Валею и двумя детьми: дочкой Валею, мы звали её «Валюхой», с огромными тёмными глазами и сыном Игорьком, в котором мало, что было от армянина. Второй сын хозяев, Борис, то же был женат на русской. Была у него дочка Наташа, на год младше Валюхи. Самой младшей из хозяйских детей была дочь Аня, слепая, от рождения. Была она любознательной и способной девушкой, читала книги, написанные азбукой Брайля, знала много стихов и сочиняла их сама. Она быстро подружилась с Наташей, и каждый раз, когда мы ходили на какой-нибудь фильм, шла с нами. При этом Наташе, к неудовольствию соседней, приходилось рассказывать Ане обо всём, что происходило на экране.

Во дворе у Офляянов росла старая развесистая шелковица, под которой по вечерам собиралось всё их семейство и отдыхающие. Естественно, не обходилось без вина. Посидеть с ними и поговорить о нашей жизни в Сибири я не возражал, но от вина, хотя и совсем слабого, отказывался. Нина после операции соблюдала диету и не могла меня выручить. Карпо Иванович ей прощал, а на меня обижался.

С тех пор, выезжая к морю, мы всегда, побывав в Ростове и Горячем Ключе, ехали в Лермонтова к Офляянам.

Во второй половине ноября 1972 года, будучи в Москве на курсах повышения квалификации проректоров, представил к защите диссертацию, прошёл предзащиту, распечатал и разослал автореферат. Сама защита состоялась 8 января 1973 года. Официальными оппонентами были В. Г. Болтянский и Н. Д. Кошкина. Ведущее высшее учебное заведение – кафедра математического анализа и методики преподавания математики Московского областного педагогического института им. Крупской, заведовал которой Андронов Иван Козьмич. Отзыв готовила Шапкина. Помню, как в поисках этого отзыва ходил по каким-то коридорам и коридорчикам с этажа на этаж. За отзывом к Болтянскому мне несколько раз приходилось ездить в институт математики имени академика А. В. Стеклова, который в народе называли «Стекловкой».

Защита проходила в корпусе математического факультета МГПИ. Со мною вместе защищалась Рафикова из Стерлитамака.

В Москве в те дни свирепствовал грипп, поэтому, чтобы обеспечить кворум, пригласили профессора С. Б. Стечкина, которого за вспыльчивый нрав и разгромные выступления побаивались не только диссертанты. Я сам тоже грипповал, температура держалась около 38 градусов. Совет вёл профессор Куликов. Моя защита первая. Развесил таблицы, раздал пособия. С докладом уложился в отведённое время. Ответил на вопросы. Затем выступил Болтянский. В основном хвалил. Замечание сделал только по поводу якобы рекомендованного мною введения функции на основе понятия соответствия и использования, как он выразился, “блинов Макарычева”. На самом же деле я в диссертации критиковал такой подход. Затем зачитали положительный отзыв Кошкиной. Было ещё два или три выступления. Наконец, как и предвидели, слово взял Стечкин. Говорил долго, в основном хвалил пособия и даже стал комментировать некоторые из рассмотренных в них задач. После его выступления Куликов спросил:

- Сергей Борисович, я так и не понял, Вы за или против изложенных в диссертации идей.

- Конечно за, – ответил тот и снова принялся хвалить не столько диссертацию, в которую он, скорее всего не заглядывал, сколько пособия.

В тот год впервые начал действовать приказ, согласно которому не разрешалось проводить банкеты, чему я был несказанно рад, т.к. не имел ни денег, ни знакомых, ни опыта проведения подобных мероприятий. После голосования, когда было установлено, что Совет единогласно проголосовал за присуждение мне учёной степени, секретарь Совета преподнесла мне букет роз.

После защиты пригласил к себе в номер Ашкинуде с женой. Жил я тогда в гостинице “Университетская” на Ленинских горах и предполагал спуститься с ними в ресторан, но к большому моему огорчению он в тот вечер почему-то не работал, и мне пришлось мотаться по вечерней Москве в поисках коньяка и чего-либо из закуски.

Летом 1973 года Нину стали беспокоить желудочные боли. Её положили в Енисейскую больницу, и мы всей семьёй ежедневно навещали её. Однажды, по совету лечащего врача, принесли ей крепкий куриный бульон, после которого у неё началась рвота и сильные боли в области желудка. Поставили диагноз: “холецистит”. Рекомендовали удалить желчный пузырь. Операцию делали в Красноярске в краевой больнице №1. Пока Нину готовили к операции и несколько дней после операции я жил у Горстов.

Помню, как в благодарность за успешно проведённую операцию, принёс хирургу две бутылки коньяка и шоколад. Страшно волновался, думая, что он не возьмёт. Встреча состоялась в больничном садике. Скамейка в кустах сирени. На одном конце я, на другой хирург, деловито складывающий в портфель, принесённый мною презент. Мне он вручил пузырёк с двумя сотнями мелких коричневых камешков, добытых у Нины из желчного пузыря.

В эти же дни Наташа, окончив школу, приехала в Красноярск для поступления на физико-математический факультет Красноярского педагогического института. Жила у Бусаркиных, помогая нянчиться с Иришкой. Подготовку к экзаменам мы с ней сочетали с посещением Нины в больнице и уходом за ней. Сразу после зачисления в вуз, Наташа вместе со всеми первокурсниками выехала на уборочные работы в совхоз Назаровский. В качестве старшего с их группой ездил Валера. То, что Наташа его сестра, никто из студентов и даже наиболее близких Наташиных подруг, не знал. Секрет раскрылся, когда 31 августа Наташа, поздравив Валерика с днём рождения, отвела его за какой-то сарай и поцеловала.

В 1974 году заканчивался срок пребывания Александра Яковлевича в должности ректора института и, как стало мне известно, он вел переговоры с министерством о переводе в один из вузов, расположенных в европейской части страны. Кроме того настойчиво распространялись слухи о переводе института во вновь строящийся город Лесосибирск. В этих условиях мы с Ниной решили, что и нам пора менять место работы и жительства.

В Енисейске я проработал почти двадцать лет. Окреп и материально и профессионально. Дети подросли, Валера и Наташа жили теперь в Красноярске. Надо было думать и о судьбе Ромочки. И, наконец, плохое здоровье Нины. Последнее обстоятельство сильно беспокоило меня. Вопреки заверениям лечащего врача, состояние её здоровья от года к году ухудшалось. Особенно плохо чувствовала она себя, когда наступали холода. Необходимо было систематическое наблюдение врачей. Беспокоило и полное отсутствие в нашем доме удобств, а ведь Ольге Федотовне было уже далеко за семьдесят.

Написал и разослал во все педагогические вузы страны письма с предложением услуг. Приглашения пришли из нескольких вузов, но предоставить квартиру немедленно обещали только два вуза: Арзамасский и Елецкий. Однажды, во время телефонного разговора, начальница отдела кадров министерства стала ме-

ня ругать за то, что я разослал по педагогическим вузам письма с предложением своих услуг.

- Вы же входите в нашу номенклатуру. Обратились бы к нам, мы бы помогли Вам найти подходящий вуз и должность, – выговаривала она мне, – а так нам звонят ректоры и интересуются, что это за Майер просится к нам на работу, уж не пьяница ли он или, что того хуже, не склочник ли?

Вскоре меня вызвали в крайком партии, где Феодосий Максимович Попов, работавший в отделе науки и вузов, в жесткой форме потребовал, чтобы я не выезжал за пределы края. Учитывая семейные обстоятельства, обещал содействовать моему переводу в Красноярский педагогический институт с предоставлением квартиры. Между тем, количество предложений со стороны увеличивалось, и выбирать становилось всё труднее. Особую заинтересованность проявляли ректоры Арзамаского и Елецкого пединститутов. Воробьёв, ректор Арзамаского пединститута, в одном из своих писем так объяснял свою настойчивость: *«Мне приходилось работать с немцами, и я всегда восхищался их трудолюбием, пунктуальностью и порядочностью. В Министерстве мне характеризовали Вас с самой лучшей стороны»*. Вскоре и из Ельца пришла телеграмма: *«Квартира готова. Телеграфируйте дату выезда»*. Несмотря на заманчивость всех этих предложений, я, после длительных размышлений и советов с Ниной и детьми, остановил свой выбор на Красноярске. Всё-таки здесь жил и работал Валера, училась Наташа, и, что было не маловажным, были друзья и, прежде всего, конечно Юра. Поэтому неоднократные и настойчивые предупреждения крайкома о том, что меня ни в коем случае не снимут с партийного учёта, воспринял с облегчением. В Елец и Арзамас пошли мои телеграммы с благодарностью за приглашения и извинениями: *«Приехать не могу, крайком партии не снимает с учёта»*.

Конечно, уехать было можно. Самое большое, что в те годы мог сделать крайком партии, так это объявить выговор, возможно с занесением в учётную карточку, но к этому партийные организации вузов, принимающих беглеца, обычно относились весьма снисходительно.

Итак, решение было принято и надо было действовать. В Красноярске мне предложили на выбор две квартиры: одну трёхкомнатную в девятиэтажном доме по улице Железнодорожников, а вторую четырёхкомнатную (малогабаритную) в пятиэтажном доме в районе Комсомольского городка, недалеко от строящегося

дворца культуры телевизорного завода. И хотя первая из этих двух квартир была ближе к институту, и потолки в ней были выше, я выбрал вторую. Соблазнил район, высокое и красивое место, обилие зелени и четыре комнаты, пусть небольшие, но отдельные, и, наконец, третий этаж.

Глубокой осенью, уже по снегу, Валера на грузовой машине перевёз нашу нехитрую утварь в Красноярск. Вслед за Валерой самолётом вылетела Нина с Ольгой Федотовной. Мы с Ромой остались в Енисейске. Я дочитывал свои курсы и передавал дела Вейту, Рома сдавал текущие экзамены за третий курс и некоторые предметы, компенсируя разницу в учебных планах. Жили мы с ним в пустой квартире. Две раскладушки, два матраца и постельное бельё, взятые в каптёрке общежития. Питались, как попало и чем попало, в основном всухомятку. В один из последних дней пребывания в Енисейске, измученные непрерывными занятиями и беспорядочной едой, решили сходить в местный ресторан. Приземистое одноэтажное деревянное строение, переоборудованное из столовой. Один зал с двумя фикусами. Около столиков, покрытых несвежими скатертями, кресла, по форме чем-то напоминающие фужеры: широкие, обтянутые дерматином сиденья и железные, близко расположенные друг к другу тонкие ножки. Этакое неустойчивые и шаткие сооружения, одно из которых сыграло со мной злую шутку.

Вечер, часов восемь. Мы с Ромой вошли в ресторан и направились к раздевалке. Наша внешность плохо соответствовала посещению ресторана. От бессонных ночей под глазами круги, физиономии помяты, одежда непрезентабельна и плюс ко всему нетвёрдая от усталости походка. Гардеробщица, окинув нас подозрительным взглядом, решительно заявила:

- Я вас обслуживать не буду, идите домой и проспите.

Я, естественно, возмутился, считая, что наши одухотворённые лица должны служить лучшей гарантией нашей добропорядочности.

- Вы что, издеваетесь, я вообще не пью вина!

Как всегда, подобное заявление вызвало у окружающих если не откровенный смех, то, по крайней мере, улыбку.

Гардеробщица, приняв мою реплику за неуместную шутку, обращаясь к присутствующим, заявила.

- Мужики, да посмотрите на них, ведь они “не просыхали” по меньшей мере, неделю.

Я хотел сказать, что мы занимались, очень устали и хотим есть, но понял, что это вызовет дополнительный смех и спектакль продолжится. Рома, дёрнув меня за руку, зашептал:

- Папа, пойдём отсюда!

Но я не на шутку разозлился и потребовал заведующую. Её дочь училась у нас на литфаке, и я надеялся, что она узнает меня в лицо. После долгих препирательств, её вызвали. Она узнала меня и распорядилась немедленно обслужить. Гардеробщица, уверенная в своей правоте, с недовольной физиономией приняла нашу одежду. Зашли в зал, нашли свободный столик, сели. К сожалению, я не учёл особенности кресел и сел не совсем по центру. Кресло и я вместе с ним тут же потеряли равновесие и упали. На шум вбежали официанты, заведующая и гардеробщица. Все присутствующие в зале повернулись в нашу сторону. Мгновение тишины, после которой раздался торжествующий голос гардеробщицы:

- Ну, я же говорила, что они пьяны! А Вы «обслужите немедленно», – передразнивая заведующую, выпалила она.

С трудом выбравшись из дурацкого кресла, прижавшего меня к ножке стола, злой и расстроенный, под ироническими взглядами посетителей, восстановил я порядок и уселся, наконец, на выбранное мною место. Ромочка сидел ни жив, ни мёртв. Меня в такой ситуации он видел впервые. Что испытал он при этом: жалость, стыд или испуг, я так и не спросил.

Через несколько дней мы с Ромой вылетали в Красноярск. Время оказалось очень неудобным, большинство близких мне людей были на занятиях и, судя по всему, провожать в порт не могли. Собрались в нашей теперь уже пустой квартире. Притащили из учебного корпуса стол и несколько стульев. Посидели, выпили по рюмочке на посошок и расстались. Ни Плаксин, ни Патюковы, ни Ждановы, ни Вейты не пришли. Было немного обидно, но что поделаешь, я был для них теперь отрезанный ломоть.

До порта добрались автобусом. Маленький зал ожидания полон людей. Наружи лёгкий морозец. Грустно, не думал, что таким образом придётся покидать Енисейскую землю. Мы были уже у трапа самолёта, когда на лётном поле появилась толпа приехавших нас проводить сослуживцев и студентов. Нарушая все правила, они бежали, растянувшись в цепочку. Впереди Патюков и Воинов с большим свёртком на плечах, за ними дорогие и близкие мне люди, с которыми я проработал почти двадцать пять лет. Шум, гвалт. Дежурные возмущаются, требуют, что бы провожаю-

щие немедленно покинули лётное поле, грозят штрафами. На них никто не обращает внимания. Патюков зачитывает какое-то послание и вручает коллективный подарок – шикарный персидский ковёр. Появляются стаканы, срываются пробки с бутылок шампанского, тёплые слова, пожелания. Студенты поют мою любимую студенческую песню. Я тронут до глубины души. Но всё когда-нибудь кончается. Кончились и эти, так взволновавшие меня проводы.

Мы в самолёте, пристёгнутые страховочными ремнями. Задраены люки. Ан-24 набирает скорость. Ревут моторы, тело вдавливаются в сиденье. Последние мгновения соприкосновения с Енисейской землёй, лёгкий толчок и начался подъём. Пронесются квадраты полей, паутина дорог, движущиеся по ним машины. И вот, наконец, Енисейск остаётся позади. Под нами занесённая снегом приенисейская тайга, вдали белоснежная лента Енисея. Ещё различимы линии просек, но вскоре всё сливается в сплошной белый ковёр. Подъём продолжается, машина легко реагирует на все воздушные потоки. Когда проваливается в “воздушные ямы”, тошнота подкатывает к горлу. Сосу “взлётную”. Удивляюсь Ромочке, он совсем не реагирует на качку. Наконец кончилось и это испытание, самолёт достиг заданной высоты. Под нами снежные горы облаков, над нами синее сияющее небо. Расстёгиваю страховочный ремень, расслабляюсь. Первые минуты думается плохо. Я всё ещё во власти нахлынувших на меня чувств. Выходит, напрасно я сомневался в своих товарищах. Они остались верны нашей дружбе. Успокаиваюсь, пытаюсь осмыслить значение прожитых в Енисейске лет. Ведь закончился ещё один этап моей жизни. Этап большой и важный. Доволен ли я своей жизнью, достиг ли, хотя бы отчасти того, к чему стремился? А к чему, собственно, стремился я? И нужно ли иметь в жизни такую цель. Или я, – просто броуновская частица, хаотично движущаяся под ударами обстоятельств. И вспомнился мне отрывок из некогда переведённого мною стихотворения:

В зеркальных стёклах прохожу я пред собою
И вопрошающе смотрю со стороны.
Кто ты, чужой, идущий предо мною?
Куда ведут тебя твои пути?

Сейчас вели они меня в Красноярск. Что ждёт там нашу семью?